

«ЛЕГЕНДА О ВЕЛИКОМ ИНКВИЗИТОРЕ» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО В ТРУДАХ ПИСАТЕЛЕЙ И ФИЛОСОФОВ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Вильгельм Андреевич Виттман

студент магистратуры ЯГПУ им. К. Д. Ушинского
150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1
wilhelmwittman88@gmail.com

Для цитирования: *Виттман В. А.* «Легенда о Великом Инквизиторе» Ф. М. Достоевского в трудах писателей и философов Серебряного века // Слово и образ. Вопросы изучения христианского литературного наследия. 2022. № 1 (6). С. 59–65. DOI: 10.31802/WI.2022.6.1.004

Аннотация

УДК 82.091

Данная статья посвящена интерпретации образа Великого Инквизитора в философском романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы», а также в трудах таких писателей и философов Серебряного века, как В. В. Розанов, Л. И. Шестов, Н. А. Бердяев.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, «Братья Карамазовы», Великий Инквизитор, Серебряный век, интерпретация.

«The Legend of the Grand Inquisitor» by F. M. Dostoevsky in the Works of Writers and Philosophers of the Silver Age

Wilhelm A. Wittman

Student at the Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky
108/1 Respublikanskaya Street, 150000 Yaroslavl, Russia
wilhelmwittman88@gmail.com

For citation: Wittman, Wilhelm A. «The Legend of the Grand Inquisitor» by F. M. Dostoevsky in the works of writers and philosophers of the Silver Age». *Word and Image: Questions of Studying the Christian Literary Heritage*, № 1 (6), 2022, pp. 59–65 (in Russian). DOI: 10.31802/WI.2022.6.1.004

Abstract. This article is devoted to the interpretation of the image of the Grand Inquisitor in the philosophical novel «The Brothers Karamazov» by F. M. Dostoevsky in the works of such writers and philosophers of the Silver Age as V. V. Rozanov, L. I. Shestov, N. A. Berdyaev. The article analyses the religious, philosophical and socio-political aspects of the interpretation of this image.

Keywords: F. M. Dostoevsky, The Brothers Karamazov, Grand Inquisitor, Silver Age, interpretation.

«Братья Карамазовы» — последний роман Фёдора Михайловича Достоевского, законченный в 1880 году, завершающая часть так называемого «великого пятикнижия», итоговое произведение. Это философский роман о самых главных вопросах мира, которые кроются за детективным сюжетом; где порок противопоставлен святости, гордыня — кротости, а слёзы ребёнка — так называемой властной «карамазовщине».

«Великий инквизитор» или же «Легенда о Великом инквизиторе» — это вставная притча, находящаяся в V главе пятой книги «Pro и contra» второй части философского романа. Данная притча представлена в виде аллегорического повествования среднего брата Ивана Карамазова младшему брату Алёше Карамазову на тематику христианской свободы воли и свободы совести; притча демонстрирует непосредственно авторское отношение к современному ему обществу, к православию, католицизму и играет главную роль не только в самой идейной и художественной структуре философского романа, но и во всей системе философских мировоззрений писателя. Сам Ф. М. Достоевский в одном из писем называл «Великого инквизитора» «кульминационной точкой»¹ в своём последнем романе.

Собственно говоря, именно от книги Василия Васильевича Розанова «Легенда о Великом Инквизиторе Ф. М. Достоевского. Опыт критического комментария» (1891) началось научное осмысление философского романа в России; а «Легенда» Ивана Карамазова стала отправной точкой к интерпретации для огромного количества русских религиозных философов и критиков рубежа веков.

В истории не только русской, но и зарубежной литературы и философии эта притча трактовалась всегда по-разному, так как она необычайно богата своими идеями и своей символикой; её исследователи, анализируя и интерпретируя отдельные положения, зачастую не приходили к общему единому друг с другом мнению; однако все исследователи без исключения утверждают, что в «Легенде о Великом Инквизиторе», во-первых, осуждается насилие, во-вторых, защищается свобода, в-третьих, человек в ней изображается под влиянием трагических противоречий и, в-четвёртых, вопрос о земном счастье занимает центральное и ключевое место².

Специфичной чертой «Легенды о Великом Инквизиторе» является то, что у неё два автора: во-первых, это сам реальный писатель

1 Достоевский Ф. М. Собрание сочинение: в 15 т. Т. 15: Письма. СПб., 1996. С. 575–577.

2 Мацейна А. Смятенное сердце: Великий инквизитор. СПб., 1999. С. 20.

Ф. М. Достоевский; во-вторых, один из братьев — Иван Карамазов. Отсюда её загадочность, потому что нам до конца непонятно: на чьей стороне автор: инквизитора или Иисуса Христа; нам также неясно, что представляет собой в рассказе Ивана защита Спасителя: настоящее восхваление или же издевательское осуждение; но, главное, притча — это загадка потому, что перед нами меркнет основной смысл этой легенды.

Литературоведы, писатели и философы на протяжении почти что двух столетий пытались разгадать тайну «Великого Инквизитора» и всегда приходили к своим субъективным интерпретациям. В данной работе мы рассмотрим труды деятелей Серебряного века и их взгляды на «Легенду» Ф. М. Достоевского.

Николай Александрович Бердяев — русский религиозный и политический философ XIX–XX веков — в своей книге «Миросозерцание Достоевского» (1923 год) пишет, что «Легенда» является вершиной творчества писателя, но в то же время и загадкой; именно в «Легенде» нужно искать положительное религиозное начало автора «Братьев Карамазовых». Достоевский, по мнению Бердяева, поднимает тему свободы человеческого духа и небывалую по силе хвалу Христу влагает в уста атеиста Ивана Карамазова³.

Образ Великого Инквизитора предстаёт перед нами в интерпретации Н. А. Бердяева как образ одного из страдальцев, которые восстали против Бога во имя общества, которые обременены великой скорбью и которые по-своему любят человечество. Инквизитор — аскет, свободный от желаний низменных материальных благ этого мира; он человек идеи со своей личной тайной; а его тайна — это простое неверие в Господа Бога и неверие в смысл всего мироздания. Он не с Христом, он с лукавым, со злым духом, который принял обличие добра.

С политической точки зрения идеи Великого Инквизитора по своей сути могут одинаково проявляться как в крайне «правой» форме, так и в крайне «левой», — отсюда тот факт, что его мысли неоднократно повторялись революционерами, демократами и социалистами.

Лев Исаакович Шестов — русский философ-экзистенциалист и эссеист XIX–XX веков — в своём сочинении «Достоевский и Ницше» задаётся вопросами, касающимися личности Великого Инквизитора, этого тёмного кардинала, из рук которого толпа принимает свои же собственные хлебы. Сама «Легенда» представлена символом пророческой деятельности

3 Бердяев Н. А. Великий инквизитор // О великом инквизиторе. Достоевский и последующие / сост. авт. предисл. и цикла картин Ю. Селиверстов; послесл. Г. Пономарева М., 1991. С. 219–242.

и некой проповедью автора «Братьев Карамазовых» Ф. М. Достоевского, состоящей из таких элементов как: чудо, тайна и авторитет. Однако, по мнению Льва Шестова, Достоевский специально не сказал главного, а именно: сам Великий Инквизитор, с упорством принявшийся исправлять наследие Иисуса Христа, точно так же слаб и жалок, как и тот социум, к которому он относится с явным презрением и пренебрежением. Инквизитор глубоко ошибся в восприятии своей роли; в то время как человечество приняло от него некие идеалы без их глубокого понимания, без скрупулёзного анализа. Но это так лишь потому, что для общества эти самые идеалы — «одна забава, обстановка, внешность»⁴.

Василий Васильевич Розанов — русский религиозный философ, литературный критик и публицист XIX–XX веков — в своей книге «Легенда о Великом Инквизиторе Ф. М. Достоевского» приходит к следующим интерпретациям и идеям: он утверждает, что между философским романом «Братья Карамазовы» и «Легендой о Великом Инквизиторе» есть некая внутренняя взаимосвязь, то есть именно сама «Легенда», в которой хранится сакральная мысль писателя, без которой не был бы написан этот философский роман, составляет душу всего художественного произведения, является внутренним стержнем, вокруг которого строится произведение.

В. В. Розанов рассматривает притчу Ивана Карамазова о Великом Инквизиторе как неоконченный и открытый для всякой интерпретации художественный материал, построенный Ф. М. Достоевским таким особым образом, что композиция романа не может быть завершена без непосредственного участия самого читателя.

По мнению В. В. Розанова, в притче об инквизиторе скрыто нечто большее и нечто более содержательное, что тесно связано с человеческой природой и всем человеческим бытием. При этом критика католицизма — это всего лишь внешняя оболочка, скрывающая более глубокую суть. То есть, предпринимая попытки анализа внутренней природы человека и соотнося её с учением Спасителя, Великий Инквизитор, раскрывающий идею своей «лже-церкви», находит явное несоответствие между первым и вторым. Он преклоняется перед злым духом, отворачиваясь от Бога.

«Легенду о Великом Инквизиторе» также, по мнению В. В. Розанова, можно рассматривать в виде идеи окончательного установления человеческих судеб. Великий Инквизитор, с точки зрения трёх библейских

4 Шестов Л. И. Достоевский и Ницше (философия трагедии). М., 1993. С. 159–162.

искушений, начинает свой монолог об этих судьбах и при этом подвергает анализу сам смысл этих трёх искушений; таким образом, история рода человеческого и духовно-нравственные силы отдельно взятого человека даются в притче в виде обширного толкования на краткий текст Евангелия⁵.

Стоит также отметить, что В. В. Розанов глубоко убеждён в том, что рассказ Ивана Карамазова — это есть голос и мнение самого Ф. М. Достоевского, которые разделены на несколько уровней интерпретаций.

Первый уровень толкования соотносится непосредственно с самой поэмой о «Великом Инквизиторе», которая отсылает читателя к исходному, оригинальному тексту Нового Завета.

Второй уровень толкования — это выявление исходных и уже непосредственно завуалированных отсылок в поэме к Священному Писанию.

Итак, «Легенда о Великом Инквизиторе» — это единственный и уникальный в истории синтез самой пламенной жажды религиозного начала с совершенной неспособностью к нему. Также вместе с этим в притче мы обнаруживаем глубокое осознание человеческой слабости, которое граничит с презрением к социуму, и одновременно любовь к человеку, ради которого можно пойти и разделить унижения, зверства и глупость, но вместе с тем и страдание.

Подводя итог нашему анализу трёх деятелей Серебряного века, можно сказать, что каждый писатель и философ по-разному интерпретировал идею и образ Великого Инквизитора, созданные Ф. М. Достоевским в романе «Братья Карамазовы». Толкование охватывало не только религиозный или философский аспект, но и социально-политический, что свидетельствует о неисчерпаемой и многогранной сути притчи, рассказанной Иваном Карамазовым своему брату Алёше. Настоящая статья имеет перспективы дальнейшего исследования, так как может направить к интерпретации образа Великого Инквизитора писателями, философами и критиками XX–XXI вв.

Библиография

Бердяев Н. А. Великий инквизитор // О великом инквизиторе. Достоевский и последующие / сост. авт. предисл. и цикла картин Ю. Селиверстов; послесл. Г. Пономарёва М.: Молодая гвардия, 1991.

5 *Розанов В. В. Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского. Опыт критического комментария. М., 1989. С. 41–44.*

Достоевский Ф. М. Собрание сочинение в 15 т. Т. 15: Письма. СПб.: Наука, 1996.

Мацейна А. Смятенное сердце: Великий инквизитор. СПб.: Алетейя, 1999.

Розанов В. В. Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского. Опыт критического комментария. М.: Современник, 1989.

Шестов Л. И. Достоевский и Ницше (философия трагедии). М.: Ренессанс, 1993.